

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Is. 2, pp. 254–274, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-254-274

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39(571.53)

UDC 39(571.53)

О традиционных играх, забавах и развлечениях бурят Предбайкалья (на примере аларских бурят)

Галина Виссарионовна Махачкеева¹

¹ Независимый исследователь (кв. 11, д. 24, ул. Мокрова, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук

0000-0002-7558-9302. E-mail: [ecoprint\[at\]inbox.ru](mailto:ecoprint[at]inbox.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Махачкеева Г. В., 2025

About Traditional Games, Amusements and Entertainments of the Buryats of the Pre-Baikal Region (using the example of the Alar Buryats)

Galina V. Makhachkeeva¹

¹ Independent Researcher (app. 11, Bldg. 24, Mokrov St., Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History)

© KalmSC RAS, 2025

© Makhachkeeva G. V., 2025

Аннотация. Введение. В статье рассматривается малоизученная культура досуга западных бурят. Территория их расселения — Предбайкалье — представляет культурно-историческую область, которая имеет свою этническую историю и культурное наследие, являющееся важным источником, ярко демонстрирующим специфику развития народа и его творческий потенциал. Цель исследования — рассмотреть досуговую деятельность на примере локальных традиций этнотERRиториальной группы аларских бурят, населяющих современный Аларский район в южной части левобережного Приангарья, находящегося в границах Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Материалы. Работа основана на разных источниках, среди которых данные из разработок дореволюционного периода и советской эпохи, современных исторических, краеведческих публикаций, а также экспедиционные материалы автора. С целью

Abstract. Introduction. The article examines the little-studied leisure culture of the Western Buryats. The territory of their settlement, the Pre-Baikal region, is a cultural and historical region that has its own ethnic history and cultural heritage, which is an important source that vividly demonstrates the specifics of the development of the people and their creative potential. The purpose of the study is to consider leisure activities using the example of the local traditions of the ethnoterritorial group of Alar Buryats inhabiting the modern Alar district in the southern part of the left-bank Angara region, located within the boundaries of the Ust-Ordynsky Buryat district of the Irkutsk region. Materials. The work is based on various sources, including data from developments of the pre-revolutionary period and the Soviet era, modern historical and local history publications, as well as the author's expedition materials. In order to determine the genesis of leisure culture, a comparative analysis was carried out with the national

определения генезиса культуры досуга проведен сравнительный анализ с национальными играми соседних сибирских народов, в том числе Саяно-Алтайского нагорья. *Результаты.* Установлены их основные направления и природа игровой деятельности аларских бурят, выявлены и представлены ранее неизвестные и малоизвестные национальные игры, а также незафиксированная диалектная терминология. Определены истоки той оригинальности, которая характерна для культуры бурят Предбайкалья.

Ключевые слова: Предбайкалье, западные (иркутские) буряты, аларские буряты, коллектив, национальные игры, досуг, традиции, культура

Для цитирования: Махачкеева Г. В. О традиционных играх, забавах и развлечениях бурят Предбайкалья (на примере аларских бурят) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 254–274. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-254-274

games of neighboring Siberian peoples, including the Sayano-Altai Highlands. *Results.* Their main directions and nature have been established, previously unknown and little-known national games have been identified and presented, as well as an unfixed dialect terminology. The origins of the originality that is characteristic of the culture of the Buryats of the Pre-Baikal region are determined.

Keywords: Baikal region, Western (Irkutsk) Buryats, Alar Buryats, collective, national games, leisure, traditions, culture

For citation: Makhachkeeva G. V. About Traditional Games, Amusements and Entertainments of the Buryats of the Pre-Baikal Region (using the example of the Alar Buryats). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 254–274. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-254-274

1. Введение

Актуальность исследования досуговой деятельности аларских бурят обусловлена тем, что важная тема, свидетельствующая о культурном наследии бурятского народа, характеризуется отсутствием исследований как локальных аспектов, так и в целом обобщающих трудов. Проблема усугубляется тем, что на сегодня в таком достаточно большом регионе, как Предбайкалье, нет ни одной более или менее полно изученной субэтнической группы. Игровой культуре, начиная с дореволюционного и раннего советского периодов, посвящены отдельные фрагменты, разделы в работах Ц. Жамцарано [Жамцарано 2001], П. П. Баторова [Баторов 1925]. Более обстоятельно тема представлена в трудах М. Н. Хангалова [Хангалов 1958; Хангалов 1959; Хангалов 1960], где игры и праздники не только описаны, но и раскрыт смысл, заложенный в них. Отметим, что в основном они касаются бурят Приангарья: балаганских, осинских, унгинских (нукутских) и аларских. Некоторые традиционные развлечения осинских бурят упоминаются в работе И. М. Манжигеева [Манжигеев 1960]. Следовательно, остаются малоизвестными игровые традиции боханских и эхиритских бурят, и практически не встречаются в этнографической литературе материалы о культуре досуга китайских и нижнеудинских. В 1961 г. И. Е. Тугутовым было проведено специальное исследование в целом бурятских общественных игр [Тугутов 1961a]. В монографии Т. М. Михайлова нашли отражение религиозные праздники западных бурят [Михайлов 1980]. Их певческо-сказительским традициям посвятил свои труды Р. А. Шерхунаев [Шерхунаев 1970; Шерхунаев 1977; Шерхунаев 1986]. Все эти работы, а также большой объем фольклорного материала, в том числе обрядового, стали основой для изучения генезиса, структуры и семантики бурятской игровой

культуры современными отечественными учеными: этнологами, фольклористами и др. Постсоветский период был ознаменован выходом значимого труда Д. С. Дугарова «Исторические корни белого шаманства: на материале обрядового фольклора бурят» [Дугаров 1991], где автор устанавливает истоки бурятского кругового танца ёхор. В целом ёхору посвящено множество работ. Также увидели свет монографии Н. Б. Дашиевой о бурятских тайлаганах и традиционных общественных праздниках [Дашиева 2001; Дашиева 2012; Дашиева 2015], К. Д. Басаевой — о семейных праздниках [Басаева 1991], публикации Д. А. Николаевой [Николаева 2008; Николаева 2009; Николаева 2010] и др., отличающиеся серьезной аналитикой. Тем не менее озвученную тему нельзя признать достаточно разработанной, так как остались без внимания многие локальные традиции. В связи с этим нашей целью стало изучение культуры досуга на примере аларских бурят, одной из субэтнических групп региона.

2. Материалы и методы исследования

Исследование основано на фольклорных, литературных, автобиографических, экспедиционных материалах, дореволюционных, советских и современных научных работах. Основой исследования выступил историко-системный подход, применялись сравнительно-этнографический метод, метод включенного наблюдения и др. Введены в научный оборот работы автобиографического характера ученых и писателей — уроженцев Алари, значительный объем полевого материала.

3. Результаты

3.1. Географические и исторические условия формирования досуговой культуры аларских бурят и их влияние на ее формирование

Исследуемый нами район находится на периферии этнической Бурятии, в северном предгорье Восточного Саяна, огражденном с востока водами Ангары. Географическое расположение южного Приангарья, которое с глубокой древности было зоной миграционной активности разных народов, — фактор, определивший этническую самобытность культуры его наследников. С глубокой древности, с эпохи бронзы, была развита торговля населения Приангарья с Поволжьем. Так, известен Нефритовый путь на запад [Кызласов 1993: 26]. На границе современных Красноярского края и Томской области, на земле котов, находился промежуточный пункт, сохранивший свое название до сих пор, — Братский (Бурятский) перевоз [Колесников 2018: 42]. По этому пути шли купеческие караваны из Бухары в Сибирь и обратно [Бадмаева 2016: 7]. Также в эпоху бронзы и раннего железа на юге балаганских степей жили европеоиды с чертами определенного расово-этнического типа — таджикско-согдийского. Для них была характерна среднеазиатская культура в сочетании с тюркской кочевой [Окладников 1976: 38, 40]. Кроме того, иранский след в истории Сибири с конца эпохи бронзы связан с пазырыкской культурой Алтая, в основе своей этнически самодийской [Молодин 2003]. Восточные племена южных самодийцев со времен неолита были расселены в предгорье Саян. В последующем миграция ирано-самодийского населения на север связана с тюркизацией обитателей Южной Сибири, вызвавшей ассимиляцию или «выдавливание» отдельных групп на Север [Молодин 2003: 168]. Также из Центральной Азии и Монголии через

Саяно-Алтайское нагорье, Туву и Алтай, в Предбайкалье попадали разнородные беглые племена. Они шли по горной тропе — миграционному пути диких животных, который вел в Аларские лесостепи, где, спустившись с гор, люди в основном и оседали.

Район характеризуется наличием хвойных, лиственных лесов и плодородных черноземных земель, в совокупности определивших раннюю оседлость и комплексный характер хозяйства. Здесь были развиты сезонные промыслы (охота и рыболовство), земледелие, скотоводство с пастьбищно-стойловым содержанием животных. Но в ходе исторических процессов рассматриваемый ареал был значительно сужен: часть земель с охотничими угодьями и большими речными потоками отошла к вновь созданным районам Иркутской области, в связи с чем аборигенные охота и рыболовство сошли на нет. Зимы в долине всегда отличались обилием снега, сугробы доходили до крыш домов. Для снежных забав ранее было раздолье: дети сооружали горки-катушки, катались на лыжах и санках, строили крепости и многоходовые жилища в сугробах, устраивали баталии [ПМА: Инф. 1]. Весна приносila не только бурное таяние снега, множество ручьев, по которым ребятня пускала кораблики, но и лужи, и многодневную грязь по колено. Поэтому в подвижные игры обычно играли поздней весной, когда подсыхала земля, и летом. В играх, кроме детей, принимали участие их старшие братья, сестры и нередко — родители. Играли по вечерам, до темноты, после завершения всех хозяйственных дел [ПМА: Инф. 2]. Осенью, часто с августа, с дождями снова начинался длительный период бездорожья, затем — сезонные работы до самого снега, а значит, было уже не до игр на воздухе. Но с 1961 г., после создания в восточной части Алары Братского моря, под которое были затоплены большие площади плодородной земли, климат изменился: снеговой покров значительно уменьшился и стало намного холоднее. В наши дни былой заснеженности уже нет и традиционные зимние игры теряют свою популярность [ПМА: Инф. 3].

Природно-климатические условия, обусловившие хозяйственно-культурную деятельность бурятского субэтноса, обусловили и его раннюю оседлость. Исторически аларцы расселялись родовой общиной — кровнородственными группами в одном большом дворе. Хозяйство и средства производства были общими, обязанности все четко распределены, а сезонные работы — сенокос, заготовка дров, посевные, уборка урожая, строительство и т. д. — выполнялись сообща. На питание каждая семья получала свою долю, но трапезы после больших работ и забот скота всегда были совместными. И досуг при таком образе жизни был коллективным. Так, гостей было принято встречать всем родом [Махачкеева 2024: 14]. Родовые общины аларцев, расположенные в одной местности на незначительном расстоянии друг от друга, составляли улусную общину. Из-за комплексного хозяйства поселения делились на зимники и летники. Переезд на летники, продиктованный целью сохранения посевов вокруг зимников и травы на утугах ‘приусадебных культивируемых участках’ от потравы скотом, был праздником: ожидалось обилие молочных продуктов, гостей, царила атмосфера веселья и общения [Зимин 2004: 69]. Дети играли, проводили время на воде-мах, рыбачили, ходили в лес за ягодами и грибами. Вечерами были *нааданы*, где пели и «до самозабвения танцевали ёхор» [Вампилов 1980: 47]. Часто молодежь ездила по долине на огни костров с одних игрищ на другие, выбирая круг для

песен, так как в очень больших хороводах были свои сложности для певцов [Вампилов 1980: 9–11; Малакшинов 1979: 202].

Игровая деятельность любого народа напрямую зависит и от социально-политических факторов. Не исключением стали и досуг аларских бурят. Так, «*в д. Кукунур, где 60 % населения составляли буряты, а 40 % — ссыльные украинцы, в клубе и песни, и праздники были только советские. Мой муж заведовал клубом, ему в парткоме сказали, что много украинских и бурятских песен на концертах не должно быть. А праздники национальные в план работы клуба никогда не входили. Нельзя было*» [ПМА: Инф. 4]. Аналогичная ситуация наблюдалась и у соседей, в Тункинском районе Бурятской АССР: «*Я работала в сельском клубе с. Тагархай. В райкоме партии секретарь по идеологии предупредил, что скоро будет бурятский праздник Сагалган и активно поддерживать население не надо, но и препятствовать тоже нельзя. Надо занять нейтральную позицию. В общем клуб в этот день был закрыт, а люди праздновали у себя дома*» [ПМА: Инф. 5].

Согласно разным вариантам эпоса «Гэсэр», у бурят встречается ‘девять доблестей мужчины’ *найн эрэйн юнэн эрдэм*: 1) *барилаха* ‘бороться’; 2) *урлаха* ‘мастерить, иметь ремесло’; 3) *дархалаха* (*тумэр дархан*) ‘знать кузнечное дело’; 4) *агнаха* ‘охотиться’; 5) *нээр шааха* ‘уметь ломать позвоночную кость скотины’; 6) *наймаар могойшолоод минаа томожсо шадаха* ‘уметь плести кнут из восьми ремешков’; 7) *гурбилаа шүдэр томохо* ‘плести треножник для лошади’; 8) *эбэр номын оонорын уяжса шадаха* ‘уметь натягивать тетиву лука’; 9) *урилдаани мори унаха* ‘быть наездником’ [Манжиев 1960: 50]. По этому своду правил в Алари обучали детей. Обычно кто-либо из взрослых собирали их где-нибудь на поляне вблизи юрт и выстраивал по росту. Сюда же подходили все свободные от работы жители улуса. Начиналась борьба подростков. У мальчиков была популярна и другая игра: один из них садился на табуретку и держал подушку возле уха, а второй наносил по ней удар кулаком. Цель игры — свалить противника, в противном случае приходилось занимать его место [Вампилов 1980: 33]. Мальчики сами мастерили луки, стрелы, лыжи, санки, из коровьей линьки катали мячи, которыми забавлялись малыши: закидывали их на деревянные крыши юрт и ловили.

В Алари почти каждый мужчина был охотником. Со взрослыми в охоте участвовали и мальчики-подростки: учились чистить ружья, охотились на дичь, с 12 лет были облавщиками [Хангалов 2021: 32]. Многие в этом возрасте уже ходили на белку и соболя в составе артелей, в начале зимы на месяц уходивших в присаянскую тайгу [Баторов 1925: 9]. Еще в детстве приобретали навыки охотников-следопытов и меткой прицельной стрельбы на максимальной дистанции, как, например, знаменитый аларский снайпер времен Великой Отечественной войны Гарма Балтыров, первый бурятский олимпиец Петр Nicolaev, выдающийся конструктор-изобретатель спортивных пистолетов и револьверов, уникальный советский оружейный мастер Ефим Хайдуров и др. С потерей притаежных земель в районах рек Белая, Иреть, Голуметь, на берегах которых располагались совместные с сойотами и эвенками бурятские охотничьи угодья, были утеряны рыболовные и охотничьи традиции. В наши дни устраивается только облавная охота на косуль и иногда — на волков.

Девочки играли в «куклы» *гасуухай* (отметим, что в бурятском литературном языке слово «кукла» отсутствует), изготовленные из дерева и кусочков кожи,

меха, ткани. С шитья кукольной одежды они начинали обучаться швейному ремеслу, обязательному для бурятской женщины. С наступлением тепла девочки играли в *соол* ‘домики’ с *хурээ* ‘дворами’ с живностью: присев якобы с ведром в высокой траве и потягивая ее, они изображали дойку коров, в основном в своих играх они имитировали женские трудовые занятия [ПМА: Инф. 6]. Также дети лепили из глины разные фигурки, играли «в лодыжки» *шаагай наадан*, прятки, ходили в близлежащие рощи пить березовый сок, собирать дикий лук, чеснок, травы, цветы, ягоды и т. д.

3.2. Танцевальное и народное театральное искусство

Игра, согласно И. Хейзингу, — предшественник культуры, заполняющий жизнь. Это непринудительное занятие по добровольно принятым условиям, приносящее и напряжение, и радость (цит. по: [Смойлов 2008: 100]). У бурят игровая деятельность человека известна под полисемантическим словом *наадан*, подразумевающим: «1) игра, забава, развлечение; 2) вечер, вечеринка, танец (хороводный); 3) постановка, спектакль, концерт; 4) шутка, насмешка, потеха; 5) ток (о птицах)» [Дугаров 1991: 85].

Издревле существовавшие ролевые игры приангарских бурят являлись своеобразными инсценировками и стали предтечей театрального искусства. Они брали начало с древних шаманских мистерий-камланий с драматизированными танцами и мимическими представлениями, иногда устрашающего или увеселительного характера, — составной части обрядовых игрищ [Дугаров 1991: 85; Зомонов 2014: 16, 66]. На вечеринках разыгрывались сценки с применением игровых подражаний животным и птицам: известны *баабгайн наадан* ‘пляски медведя’, *тэхэ наадан* ‘пляски козла’, *шино наадан* ‘пляски волка’, *хор наадан* ‘пляски глухарей и тетеревов’, а укрощение дикого коня — как театрально-мистическое и в какой-то степени комическое представление. Маскированные участники именовались игровыми *онгонами* [Хангалов 2021: 28, 77]. Кроме этих игр, были и комические, где изображали не животных, а людей: например, пересмешника, который осмеивал других людей — женщину-копальщицу корней сараны, няньку с ребенком и т. д. [Хангалов 2021: 28]. Как видим, эти представления свидетельствуют об отличном знании народом повадок животных. Маски использовались и во время облавных охот. Популярными были у аларских бурят театрализованные вечера, позже — домашние театры. Еще в начале XX в. появилась рукописная улусная драматургия. Первые пьесы писали воспитанники Иркутской учительской семинарии — Д. А. Абашеев, И. В. Барлуков, И. Г. Салтыков, С. П. Балдаев. Тексты их не сохранились, но одна из самых ранних — пьеса Д. А. Абашеева «Ухэл» («Смерть») — была поставлена в 1908 г. и показана на этнографическом вечере в Иркутске, в 1911 г. в Алари — пьеса И. Г. Салтыкова «Хоер можно» («Два мира») [Оглезнева 2024: 353–354]. Потом спектакли ставились и в других бурятских центрах Приангарья. Позднее в Аларской школе учитель Валентин Вампилов, отец знаменитого драматурга Александра Вампилова,ставил на сцене самодеятельного театра пьесы русских драматургов: «Злоумышленника» А. П. Чехова, сценки из пьесы «Бедность не порок» А. Н. Островского, а на сцене Дома культуры п. Кутулик — сценки из трагедии «Борис Годунов», о чем свидетельствует сохранившийся раритетный снимок, сделанный на этом спектакле [Юрченко 2016].

По воспоминаниям информанта, взрослые проводили свой досуг очень интересно: пели песни, шутили, играли, танцевали и никогда не напивались. Обычай ходить компаниями из дома в дом у аларских бурят назывался *архидашин* (досл. ‘пьющие вино’), практиковался он до позднего времени. «Люди любили танцевать „глухариную пляску“ *хор наадан*: двое пляшущих садились на корточки, держась на одних носках ног, руки держали вытянутыми, на уровне плеч, как крылья глухаря, и при этом подражали его крику. Подпрыгивая на носках, сходились и расходились — эти „движения“ называются *хошиолго* по М. Н. Хангалову; а третий пляшущий представлял глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку» [ПМА: Инф. 2]. «А еще интересно было смотреть танец тетеревов: дядя Артем на корточках изображал самку, а остальные — самцов, скачающих вокруг нее, прищелкивая языком, как птицы. Дядя Егор на спичечной коробке выступжал ритм токования. Если танцоры убыстрялись, это дополнялось хлопанием в ладоши и прищелкиванием пальцев, имитирующим бормотание тетеревов. Дядя Бамбалай и дядя Раднай, входя в азарт, издавали настоящие тетеревиные звуки, чуфыканья и полностью перевоплощались в воинственных петухов» [ПМА: Инф. 2]. Кроме имитации движений и звукоподражания, игры тетеревов сопровождались песней:

<i>Тетериин наадан,</i>	‘Тетеревиная игра,
<i>Тэхэрхэдээ наадан,</i>	Круговая игра,
<i>Хатархада наадан.</i>	Плясовая игра.
<i>Ойдо гархадам</i>	Приду в лес — там много
<i>Олон сэсэг найхан лэ.</i>	прекрасных цветов.
<i>Ойхоонь буухадам</i>	Приду в лес — там прекрасна
<i>Хойрой наадан найхан лэ.</i>	тетеревиная игра.
<i>Тайгадаа гархадам</i>	Приду в тайгу — там прекрасна
<i>Тетериин наадан найхан лэ.</i>	игра тетеревов.
<i>Тетериин наадан гээ,</i>	Игра тетеревов,
<i>Түлэвшэдэй наадан гээ,</i>	Игра дровосеков,
<i>Түмэн зоной наадан гээ</i>	Многих тысяч людей игра
<i>Хатархада наадан гээ</i>	Плясовая игра’

(Пер. Н. Б. Минтасовой).

Центральное место в плясках западных бурят отводилось древнему обрядовому круговому танцу ёхор. Такой хороводный танец бытует у якутов, эвенов, эвенков и долганов. Его истоки идут еще с бронзового и раннего железного веков от уйгуро-курыканских шаманских мистерий, привнесенных в Южную Сибирь «пришлыми индо-иранскими и индо-европейскими племенами» [Дугаров 1991: 118]. Ранее к такому заключению пришли археологи. По характеру своего искусства курыканы Прибайкалья больше всего были связаны не с соседней Монголией, а с кыргызским западом, с Алтаем, с тюргешами-турками и через них — с далеким Ираном [Окладников 1976: 31]. Объяснение этому, видимо, заключается в том, что в географическом отношении Предбайкалье до XIX в. было закрыто с востока и юга мощной природной преградой — Байкалом и Саянскими горами. И именно в связи с этим развитие здесь шло в парадигме западной культуры.

В Предбайкалье ёхор был основным действием на всех празднествах: семейных, общественных, религиозных и т. д., в разных районах хороводы отличались

лись. Ансамбль «Байкал» исполняет сегодня восемь основных вариаций ёхора. На деле же локальных вариантов множество [Жорницкая 1999]. Так, в Алари даже по деревням различались движения и напевы: в Бахтае — одни, в Готоле и Кукунуре — другие и т. д. [ПМА: Инф. 7]. Отмечено, что пластика бурятского танца более сложная, чем якутская, а выкрики сопоставимы с эвенкийскими и долганскими [Жорницкая 1999: 141]. Кроме того, в степи ёхор водили совсем по-иному, чем в юртах: на приволье в круг могли встать человек 100 и больше, создавая несколько хороводов (известно, что в иранских танцах тоже существует такая традиция), и в разных его концах — разные песни. В юрте, даже просторной, — не более 20 танцоров, поэтому двигались в такт, нога в ногу, и пели дружно и слаженно [Малакшинов 1979: 203].

3.3. Устное народное творчество

Улигеры — эпические сказания, сказки, поэмы, легенды, а также песни, загадки, пословицы, поговорки занимали в культуре бурят Предбайкалья особое место. Охотники любили *улигеры* и слушали их вечерами: считалось, что хозяин леса любит сказки. Поэтому в любой охотничей артели были мастера слова [Баторов 1925: 9]. Традиции почитать сказителей бытовали и у хакасских охотников [Бутанаев 2016: 93]. Вообще певцы и сказители-улигершины были желанными гостями везде. Так, на постоянные дворы при базарах и приангарские мельницы со всего края съезжались крестьяне, среди которых нередко находились знатоки фольклора. В ожидании своей очереди люди иногда жили на мельницах по 10–12 дней, и самым увлекательным занятием у них было исполнение и слушание *улигеров*, песен и сказок [Шерхунаев 1977: 75]. Выступление рапсода никогда не было сольным, это всегда был массовый музыкально-поэтический праздник. Перед началом исполнялось *угтамжса* ‘песенное обращение’ от зрителей: они просили исполнить поэму, выражали свое уважение, вдохновляя улигершина. Далее зрители эмоционально участвовали в описываемых действиях, открыто выражая свои чувства возгласами и восклицаниями, а в перерывах и в конце хором пели песни, прославляющие героев [Шерхунаев 1986: 56]. Эпические сказания нельзя было рассказывать в летние месяцы — *сээр* ‘грех’, можно было только с наступлением нового года, который начинался осенью, с появлением на небе звездного скопления Плеяд [Баторов 1923: 9]. Подобный запрет строго соблюдали и калмыки [Бакаева 1996: 9]. Пение сказителей часто сопровождалось игрой на хуре, который буряты делали из цельного дерева, обтянутого бычьим пузырем, а за неимением материала — даже из жестяных пороховых банок: прикрепив к грифу, натягивали струны из волос конского хвоста [Шерхунаев 1986: 45].

Песенная культура Предбайкалья отличается своим многообразием. Когда-то аларские и унгинские буряты были признанными лидерами в регионе по умению импровизировать на ходу, украшать песню красивыми сложными мелизмами и богатой лексикой [Балдаев 1959: 125]. Песни были разных жанров:

— *архиин дуун* ‘застольные песни’ — особый жанр в традиции застолья. Здесь были сплошные импровизации, которые, как известно, есть хорошо подготовленный экспромт — свидетельство того, что такое отшлифованное мастерство зиждется на потенциале, т. е. творческих способностях и постоянной практике в песнопении. Ведь для того чтобы уложить фразу в мелодическое построение,

должны быть навыки. Также для песен застолья в Алари характерны свой стиль и ритмические движения в виде приплясываний [Гергесова 2002: 8]. В отличие от аларцев, которые при пении обязательно стоят и притоптывают, закаменские буряты, например, застольные песни поют сидя [ПМА: Инф. 8]. Главная составляющая аларской питейной культуры — *духарян* ‘ритуал обмена чашей с вином’, по сути своей аналогичная супре — знаменитому грузинскому застолью, где каждый участвует в создании взаимоуважения за столом, описана нами в статье [Махачкеева 2017];

— *ухэлэй дуун* ‘посмертная песня’ и *шаналахын дуун* ‘песня на поминках бездетного бурята’ — скорбные, и, хотя они не вписываются в тему веселья, все же являются неотъемлемой частью песенных традиций, уходящих в прошлое. Похоронные песни относятся к разряду очень старинных и исполнялись еще в эпоху облавных охот. Если у покойника были какие-то заслуги или он чем-то отличался от других, то «*соплеменники пели песни*», восхваляя его прижизненные добродетели. У кудинских бурят пели песню-плач во время похорон шамана [Хангалов 2021: 206]. Сегодня в обществе об этих песнях недостаточно информации. Так, одна из аларских исполнительниц сообщила, что была немало удивлена, когда услышала от знакомой бабушки: «*Ты на моих похоронах будешь петь!*». Отмечены и совсем казусные случаи: когда-то давно в западной части Алари появилась песня-плач о красивой девушке по имени Будалай, которую из ревности убил отвергнутый поклонник. Спустя много лет в Улан-Удэ эта песня стала звучать в веселом и задорном исполнении молодых певцов [ПМА: Инф. 4]. В Алари такие песни пели непременно с повторяющимся припевом в виде вздоха-сожаления «*Аин ёёя!*». «*Ёёя, ёёя-хадаа!*» — обычный «возглас огорчения и досады» у аларцев. Думается, что в вышеописанном случае и сам повод, и жалостливый припев со временем забылись, а песня, что называется, «ушла в народ», так как мастерски была сложена во всех смыслах: и в музыкальном, и в поэтическом, идеально вписываясь в любой стиль;

— *умдэни дуун* ‘песни трусов’ прославляют чадородие и исполняются при вручении подарка — трусов-панталон — женщинам пожилого возраста, но только благополучным, многодетным и уважаемым. При этом подарок они наряжают прилюдно, во время застолья, встав на стул, под смех и шутки. Информант так нам объяснил историю возникновения этой традиции: в древности при возвращении со свадеб, опасаясь встреч с разбойниками, подарки в виде денег и золота прятали в кожаных мешочках, зашивая их в трусы старух. На них в случае нападения не обращали внимания, а девушек и молодых женщин обычно уводили. Со временем, когда дороги стали безопасными, традицию обыграли, придав вручению подарка совсем другой, глубокий смысл: прославление способности женщины рожать здоровых наследников, тем самым увеличивая численность рода, что всегда ценилось в Предбайкалье. Ритуал приобрел шуточный характер, и некоторые особо бойкие старушки в ответ поют озорные куплеты или частушки [ПМА: Инф. 9];

— *мунгаалдын дуун* (*зугаа*) ‘соревновательные песни’ пели на ‘песенных турнирах’ *мунгаалдан*, у эхиритов — *хухалгаан* дуун. Устраивались на праздниках, во время застолья и исполнения ёхора и т. д. Поскольку подростков в Алари не допускали на взрослые игрища *Ехэ наадан* ‘большие игры’, они нередко рядом организовывали свой круг *Бага наадан* ‘малые игры’ и устраивали

свои песенные турниры. Это было характерно только для маленьких деревень: Яматы, Кукунур, Куркат и др. [ПМА: Инф. 10];

— *магтал дуун* ‘прославляющие’; *тоолэй дуун* (‘песни, исполняемые при вручении именного мяса’); *басаганай дуун* ‘девичьи песни’ поют на свадебных обрядах; *ёхорэй* ‘хороводные’; *милаангын* ‘родинные’; *шоогэй* ‘шуточные’ — частушки; *сээгэй* ‘кумысные’; *нааданай дуун* ‘песни-игры’ вроде русской песни «А мы просо сеяли»; и др.

Очень популярными в Приангарье были состязания по разгадыванию загадок *таабар*. Каждый не сумевший отгадать чужие загадки должен был откупиться своими неразгаданными загадками, в противном случае его брали в «плен» и в конце игры «продавали». Церемонию продажи обставляли комично: «пленников» снаряжали на базар, приговаривая: «*Вот едет на качерике, двухгодовалом бычке, человек без загадок. Подстилкой будет ‘сухая кожа’ дагадха. Продаю человека, не знающего загадок!*» [Тугутов 1961б: 159–160]. В Осинском улусе Эрхидэй 14-летний подросток, не желая быть «проданным» на этих зимних посиделках, начал записывать загадки и пословицы. За 2 года он собрал более 200 загадок и до полусотни пословиц, а в 1927 г. победил в таком состязании известного знатока фольклора Шулуна Балкова из Бохана. Так появился известный бурятский этнограф, поэт и фольклорист Дольён (Илья Николаевич) Мадасон. Детское увлечение стало делом всей его жизни, которую он посвятил собиранию и изучению устного народного творчества бурят [Тугутов 1961б: 159–160].

3.4. Детские, подростковые и молодежные подвижные игры

Бигва (перевод отсутствует) — полный ‘аналог русской лапты’ в с. Кукунур, в нее играли, разделившись на две команды [ПМА: Инф. 11].

Бээлээтхэ ‘играть в варежку’ (бээлэй ‘варежка’). Две команды комком из вывернутой варежки по очереди кидали друг в друга. Кто не смог увернуться, тот выбывал из игры [ПМА: Инф. 11].

Гальбанха (перевод отсутствует). Это игра на меткость и дальность полета. Вырезали из дерева лопатообразный / стреловидный предмет в виде ромба с длинной ручкой. У основания широкой части делали зарубку и привязывали в этом месте нитку с узелком. Просунув в узелок палку, а чаще прутик, так как он хорошо амортизирует, раскачивали и кидали заостренным концом вперед. Если центр тяжести неправильно распределяли, то лопатка летела кругами; если правильно, то хорошо и далеко [ПМА: Инф. 11].

Гахайдаха (досл. ‘свинять’). Задача ведущего — закинуть шайбу-гахай (‘свинья’) в лунку, т. е. в «хлев», охраняемый игроком с палкой. Летом ее делали из деревяшек, зимой шайбой служили кругляшки замерзшего конского помета или мерзлая картофелина [ПМА: Инф. 11]. Такая же игра есть у хакасов, но там вместо свиньи фигурирует корова [Бутанаев 2016: 25].

Оолбор ‘бурятские городки’ (*оолбор* ‘биты’, *оолбордох* ‘кидать биту’). Фигуры в игре — *тура* (иранизм) ‘дом’, *соол* (туркизм) ‘печь’, *могой* ‘змея’, *гахай* ‘свинья’ и т. д. Но бытует она только в с. Кукунур. Неоднократно ее пытались популяризировать. Впервые в районе соревнования по бурятским городкам провели в 1984 г., а ранее, с 1980 г. — в окружном центре Усть-Орда. Затем возрождение игры остановилось [ПМА: Инф. 11]. В Предбайкалье игра по вышибанию деревяшек деревянными же битами больше нигде не зафиксирована,

но ее аналог известен соседям западных бурят — хакасам [Бутанаев 2016: 27]. Согласно нашему анализу, именно с их культурой у аларцев обнаруживается множество сходных элементов.

Тэбэг в переводе с бурятского языка — ‘волан, зоска’ [Шагдаров, Черемисов 2010б: 273], но известно, что термин тюркского происхождения (досл.: ‘пинок ногой’) [Бутанаев 2016: 27]. В старомонгольском — это пучок волос на темени. В виде металлического кружка с отверстием в центре, с тугу продетым через него куском шерсти, в мифах и фольклоре интерпретируется как символ Матери-прапредительницы (цит. по: [Дашиева 2015: 145]). Отбивание ногой кружка вверх (к детородному органу) называлось *тэбэг сохихо* ‘бить тэбэг’, и в этом значении действие ассоциировалось с фаллическим божеством, бьющим на пограничье ночи и дня стрелой (аналог фалосса) в живот космической маралухи. Такая же семантика игры проявляется в традициях северных тувинцев: в Тодже в нее играли только в день Нового года (цит. по: [Дашиева 2015: 145–146]). У народов Азии, Китая, России, Кавказа и др. такая старинная игра называлась *лянга, почекушка, зоска, туулган тобио* и т. д. Лоскут овчины или любой шерсти утяжеляли куском свинца с отверстием. Стоя на одной ноге, такой волан подбрасывали вверх внешней или внутренней стороной стопы, не давая ему упасть. Победителем считался сделавший максимальное количество ударов. Сегодня у бурят повсеместно возрождается эта древняя игра, в Усть-Ордынском округе — под названием *туулган тобио* ‘свинцовая пуговка’, а не под исконным названием *тэбэг*.

3.5. Культовые праздники

Нэрьеэрэй хуурай ‘обряд богу-громовержцу’, который проводили после сильной грозы [Тугутов 1961а: 53].

Тайлганы ‘коллективные религиозные обрядовые праздники’ тюркского происхождения. Известно, что они проводились в теплое время года: весной и летом — просительно-умилостивительные, осенью — благодарственные. Непременно сопровождались ёхором и спортивными состязаниями (конные скачки, борьба, стрельба из лука, бег на разные дистанции, прыжки через жердь и т. д.). Во времена антирелигиозной пропаганды в стране семейные и родовые моления проходили тайно, иногда ночью, а общественные были сокращены до минимума. Именно тогда они утратили свою игровую составляющую. Возрождение тайлганов началось в 90-е гг. XX в. Сегодня организаторы, как правило, сосредоточены в основном на религиозной части. В Алари игровые моменты сохранились только в молебнах, посвященных духам воды и имеющих свои локальные особенности¹. Тайлган с соблюдением всех канонов, включая завершающую его культурно-спортивную программу (конные игры: *малгай булялдан* ‘отними шапку’, *мориин дээрэ барилдаан* ‘борьба на конях’; песенные состязания и ёхор), после почти векового забвения был проведен на аларской земле в 2016 г., во время племенной встречи хонгодоров [ПМА: Инф. 12].

Хийин хуурай ежегодный ‘обряд освящения кузницы’ [Тугутов 1961а: 53] и по сей день проводится во многих местах Предбайкалья.

¹ Почитание духов воды рассмотрено С. Б. Миягашевой [Миягашева 2024].

3.6. Семейно-бытовые праздники и развлечения

Олимбур (перевод отсутствует) ‘лотерейная игра’. Участники выкупали талончики по определенной цене, в сумме составлявших стоимость выигрыша. Играли картонными карточками с написанными цифрами, заменявшими деньги. Самый удачливый, выиграв все талончики, забирал выигрыш [Малакшинов 1975: 117].

Праздник стрижки грив и хвостов лошадей проходил весной. Процедура стрижки проходила общими усилиями поочередно в каждом хозяйстве улуса. Непременно проводили ритуал угождения огня мясом и белым конским волосом. Закончив работу, варили саламат и устраивали общее гуляние. Конский волос был необходим в хозяйстве западных бурят в качестве сырья для плетения и ткачества [Хангалов 2021: 231].

Родинные торжества — цикл семейных обрядов, посвященных рождению ребенка. Среди них особо выделяются угэээдэ оруулха ‘обряд положения ребенка в колыбель’ или торолго. Так назывался обряд в восточной части Аларской долины, в западной — ообээдэ оруулха. Под такими же названиями обряды известны у кудинских бурят. В балаганских степях прежде был обычай: в честь появления нового члена семьи устраивать праздник *милага*. Согласно бурятско-русскому словарю, *мила: мила нүрэтэроо эдихэ* — ‘наедаться до отвала’ [Шагдаров, Черемисов 2010а: 296]. Приглашали одноулусников и отдавали им для празднования кобылицу, выбранную старухой, участвующей в обряде. Гости несли подарки, пели обрядовые родинные песни *милаанын дуун*, угождались мясом и затевали забавы, во время которых принято было мазать мужчин сажей с котла, смешанной с маслом [Хангалов 2021: 197]. Также этой игрой *милага* женщины забавлялись после успешного валяния войлоков [Малакшинов 1979: 83]. В Алари сохранились отголоски этого древнего обряда, но вместо коня предпочтение отдавалось бычку или барану, который назывался *милаангад хонин*, т. е. ‘баран для *милаги*’. В ожидании пополнения семейства его подбирали заранее. Замечено, что баранина, обладающая лечебными свойствами, хорошо восстанавливает силы женщин после родов. Поэтому специально варили так называемый *милаангад шулэн* ‘суп для роженицы’, а гостям — обязательно подавали отваренные курдюк, желудок, начиненный кровью, печень и почки [ПМА: Инф. 13]. Эта традиция в рассматриваемом ареале бытует в центральной части долины, а в восточной практически неизвестна [ПМА: Инф. 14]. Осинские буряты традицию называли *шулэ гаргаха* ‘сварить суп’, а эхириты — просто *шулэн* ‘бульон (суп)’. Они варили саламат и баранину, приглашали и угождали детей, забавлялись, гоняясь за молодыми женщинами и девушками и обмазывая их маслом от саламата. Считалось, что в таком случае они тоже рожают. Вообще из-за таких неизменных шуток многие молодые девушки в Предбайкалье избегали посещения родинных торжеств. Постепенно праздник трансформировался и в бурятском обществе приобрел широкую популярность под названием *Милан*, связанный с первыми именинами ребенка.

Свадебные торжества включали целый цикл развлечений. Их открывали ‘девичьи игры’ *басаганай наадан* — молодежные гуляния у родных невесты и соседей-одноулусников. Такой пышный праздник устраивали унгинские, аларские и ольхонские буряты, а у кудинских и верхоленских он был более скромным, невеста с подружками пела печальные песни о тяжелой женской доле, прощаясь

с родными [Басаева 1991: 134]. На аларской свадьбе всегда главенствовал ёхор: гостей встречали и провожали хороводом. Едва завидев свадебный поезд, встречающие поднимали шум: «*Едут! Едут!*», и все бежали в ёхорный круг [ПМА: Инф. 15]. В этот момент принято было воспевать красоту местности, где будет жить невеста, достоинства жениха и его рода, петь благопожелания [Жорницкая 1999: 122]. Далее следовала веселая игровая церемония купли-продажи приданого невесты в доме жениха [ПМА: Инф. 15]. Завершалась свадьба в Унге и Алари своеобразным развлечением: в старину гости, если были недовольны приемом, в отместку старались угнать скот, чтобы уже дома устроить угощение сородичей. В конце XIX в. этот обычай трансформировался в настоящие игрища, где представители двух породившихся родов состязались в ловкости и мастерстве верховой езды: гости создавали видимость угона, а местные его отбивали [Басаева 1991: 159].

Халлин, хальдин ‘вечеринка в складчину’ в Алари появилась, по нашим данным, в 50–60-е гг. прошлого века. Сначала они организовывались в честь приезда гостя [ПМА: Инф. 16]. Но гости приезжали нечасто, поэтому приятно провести время собирались и без них. Особенность таких вечеринок-халлин была в том, что допускались на нее только семейные пары. Любителей развлечений, пришедших в одиночестве, выпроваживали со словами: «*С женой приходи!*». Информант рассказывает: «*Дети были маленькие, и я никуда не ходила. Мужа моего одного не допускали на такие вечеринки, и он, несолено хлебавши вернувшись домой, высказывал мне свое недовольство: „Хаттуу-харуу, хумхай хуурайши!“*» (досл. ‘ты жестокая-жадная, скупая-сухая!’) [ПМА: Инф. 17].

Иэр (нээр) шалган ‘переламывание хребтовой кости — шейного позвонка’ сегодня у бурят активно возрождается в массовых состязаниях. Ранее игра в Приангарье бытowała в иной форме. У аларцев эта забава была при заготовке ‘мяса на зиму’ *ууса*. Если в этот день после традиционной совместной трапезы не удавалось сломать кость, то она становилась *боосооной* ‘спорной’. Такой позвонок очищали от хрящей, вдевали нитку через спинно-мозговое отверстие и вешали на гвоздь у входной двери. Люди, приходившие к хозяевам, предпринимали попытки сломать кость. При неудаче оставляли в висящем рядом маленьком мешочке деньги — пятак или гривенник. Тот, чья попытка увенчалась успехом, забирал всю собравшуюся сумму. Обычно много монет набиралось, если на гвозде висела бычья кость, справиться с которой было непросто [ПМА: Инф. 3].

Улаан ундэгэнэй наадан ‘игры красного яйца’ — пасхальные забавы у аларских бурят были заимствованы из славянской культуры. В этот день красили яйца луковой шелухой, дети ходили по домам биться ими, пели песни:

Улаан ундэгэнэй ехэ удэроор!	‘С днем красного яйца!
Улаан хадана улаан ундэгэн мухараа,	С красной горы катится красное яйцо,
Ошот тодоот байгтуу!	Идите, встречайте!
Улаан ундэгэнэй ехэ удэроор!	С днем красного яйца!
Углоонэй улаан наранаар!	С утренним красным солнцем!
Урма баярай удэроор	С особым радостным днем!
Ундан мэндээ хургэнб даа!	Изобилия желаю вам!

(Пер. автора).

3.7. Общественные праздники

Зоохэ наадан ‘саламатные’¹ игры / сметанная вечеринка’. У аларских бурят есть традиция по любому поводу первым делом варить саламат: приезд гостей, окончание любой коллективной работы. Так стали поступать и руководители советских колхозов, завершая полевые работы. Тогда же и молодежь стала практиковать эту традицию: собирать по дворам сметану для саламатной вечеринки, так как летом в Алари это был самый популярный продукт [Саганова 2018: 196]. Таким образом игрища, возникнув у аларцев, распространились затем по всему Приангарью, приобретая свои локальные особенности. Так, в с. Закулей Нукутского района сметану начали собирать девушки, и там же появился саламатный ёхор, т. е. были придуманы движения и две песни [Жорницкая 1999: 135]. Некоторые исследователи полагают, что у тункинских бурят *Зоохэ наадан* назывался «Мушэд наадан» ‘игры при звездах’. По данным информантов, это не соответствует действительности, так как саламата на вечере нет, и, кроме того, особого отношения к этому блюду в районе никогда не наблюдалось [ПМА: Инф. 18; ПМА: Инф. 5]. Сегодня игры у аларцев проводятся, как обычно, по инициативе и усилиями молодежи, в складчину (вообще этот метод — характерная черта как аларской родовой и улусной общин, так и соседних якутов и хакасов). Саламат остается неизменной составляющей игр, чего нельзя сказать о песнях и ёхоре. Еще с советских времен ввиду известных причин они постепенно заменяются другими современными развлечениями. Также отметим, что сегодня это единственный гастрономический праздник в Предбайкалье.

Зэмнэн наадан ‘Игры мясного гостинца’ (от *зэмнэн* ‘мясной гостище’). С таким презентом зимними вечерами шла молодежь на вечеринку. По традиции она проводилась в какой-либо просторной юрте уважаемых благополучных односельчан. Часть подношения преподносили хозяевам в качестве оплаты за предоставленное помещение, часть хозяйка варила для общего стола и по обычаю сначала угощала хозяина огня. Затем начинались игры, песни, танцы.

Сагаалган — ‘праздник встречи Нового года’ [Шагдаров, Черемисов 2010б: 133]. Ранее Новый год у западных бурят был связан с днем осеннего равноденствия, называвшимся *Exэ удэр* ‘Великий (или большой) день’, а лунно-солнечный календарь являлся наследием восточно-иранских традиций [Дашиева 2015: 38]. В эти дни приветствие у аларцев звучало так: *Сагаан нараар!* ‘С белым месяцем!’, в ответ говорили: *Сайхан мэндэ!* ‘Прекрасное приветствие; здравствуйте!’ или же общее: *Сагаан нарыын сайхан мэндэ!* ‘белого месяца прекрасное приветствие’ [ПМА: Инф. 6]. Календарный новый год связан и с осенным шаманским ‘мольбном’ *тайлган*, завершающим работы аграрного цикла. С буддизмом в Аларь пришел буддийский новый год, отражавший влияние китайской культуры. Не все население являлось последователями буддизма, но праздник был также поводом повеселиться [Малакшинов 1975: 211]. В целом буддизм у аларцев — локальное явление, не успевшее пустить глубокие корни. В советское время праздник был предан забвению и возрождаться начал в конце 1990-х гг.

Сурхарбан ‘культурно-спортивный праздник’. Термин состоит из двух слов: *суур* ‘дудка’, ‘стрела’ (стебель трубчатых растений). Созданные из нее флейты были распространены у западных бурят; *харбаха* ‘стрелять из лука’ [Шагдаров, Черемисов 2010б: 199, 405]. Стрельба в мишень — образ солнца — символи-

¹ Саламат — национальное блюдо из сметаны с добавлением муки.

зировала возрождение нового солнечного светила [Дашиева 2015: 21]. В Предбайкалье после завершения облавных охот проводились большие промысловые праздники [Жамцарано 2011: 209]. Все западные буряты съезжались на гуляния, где были непременные стрельба из лука, борьба и конные бега. С исчезновением охоты эти традиции с той же триадой под названием ‘праздник стрельбы’ *хур харбаха* сохранились по Якутскому тракту, в местах проживания кудинских, верхоленских, ольхонских бурят. У бурят, живущих по Московскому тракту, аларских, балаганских, идинских, такой практики не было [Ханголов 2021: 252]. Со временем праздник расширил свои границы по всему западному побережью Байкала, а затем, перейдя на восточный берег, стал общенациональным бурятским: 1–2 августа 1924 г. впервые он был проведен в г. Улан-Удэ. С тех пор Сурхарбан приобрел юридический статус и проводится в начале каждого летнего сезона по всей этнической Бурятии.

4. Заключение

Рассмотренный материал представляет неполный список локальных досуговых занятий аларских бурят, тем не менее, позволяет сделать определенные выводы. Доминирование различных культур в разные периоды, полизтический состав населения, его тесное взаимодействие и взаимовлияние в условиях частичной природной изолированности обусловили самобытность досуговой деятельности аларских бурят. Историко-культурное наследие аларских бурят является отражением не только природных и социально-экономических, но и политических изменений. В условиях различных ограничений, по сути своей кризисных, оттачивалось умение народа организовывать свой досуг: вырабатывать новые соответствующие правила с учетом морально-этических норм и запретов, совмещая труд и отдых. Особенно наглядно это проявилось в советские годы. Географические условия, в которых сформировались внешние и внутренние торговые связи, способствовали укреплению тесных межэтнических контактов не только со смежными южно-сибирскими народами, но и с далекой Средней Азией и Поволжьем. Шел постоянный обмен в сфере не только материальной, но и духовной культуры. Так, происхождение коллективных обрядовых праздников «тайлганов» ряд ученых считает тюркским, в некоторых командных играх аларских бурят прослеживается сходство с хакасскими и т. д. Эти факты согласуются с утвержденным среди археологов положением о существовании единой историко-культурной области на территории от Оби до Байкала. Коллективная направленность досуга, определенная оседлостью и социальной организацией быта, способствовала более тесным контактам людей.

Полевые материалы автора

ПМА: Инф. 1 — И. К. Н., 1946 г. р., с. Куунур Аларского района Иркутской области (запись 2016 г.).

ПМА: Инф. 2 — М.-Б. Н. Б., 1946 г. р., с. Ныгда Аларского района Иркутской области (запись 2020 г.).

The Author's Field Data

Informant 1: I. K. N., born in 1946, Kukunur village of the Alarsky district, Irkutsk Oblast, Russia (recorded in 2016).

Informant 2: M.-B. N. B., born in 1946, Nygda village of the Alarsky district, Irkutsk Oblast, Russia (recorded in 2021).

- ПМА: Инф. 3 — У. М. М., 1958 г. р., с. Ку-
кунур Аларского района Иркутской
области (записи 2016, 2018 гг.).
- ПМА: Инф. 4 — Х. Е. О., 1935 г. р., п. Ку-
тулик Аларского района Иркутской
области (запись 2017 г.).
- ПМА: Инф. 5 — Н. Е. Д., 1957 г. р., с. Тагар-
хай Тункинского района Республики
Бурятия (записи 2015, 2017 гг.).
- ПМА: Инф. 6 — Б. И. С., 1936 г. р.,
г. Улан-Удэ Республика Бурятия (за-
пись 2020 г.).
- ПМА: Инф. 7 — У. Н. Х., 1956 г. р., д. Готол
Аларского района Иркутской области
(запись 2018 г.).
- ПМА: Инф. 8 — Г. Н. Б., 1954 г. р., с. Даля-
хай Закаменского района Республики
Бурятия (запись 2019 г.).
- ПМА: Инф. 9 — Т. Р. В., 1966 г. р., с. Ал-
зобей Аларского района Иркутской
области (запись 2016 г.).
- ПМА: Инф. 10 — Д. Р. Д., 1935 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2016 г.).
- ПМА: Инф. 11 — С. В. Н., 1942 г. р., с. Ку-
кунур Аларского района Иркутской
области (запись 2018 г.).
- ПМА: Инф. 12 — Н. Н. Н., 1935 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2024 г.).
- ПМА: Инф. 13 — Д. Е. М., 1957 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2019 г.).
- ПМА: Инф. 14 — Б. В. А., 1953 г. р., д. Саган
Жалгай Аларского района Иркут-
ской области (запись 2022 г.).
- ПМА: Инф. 15 — Х. А. М., 1958 г. р.,
д. Киркей Аларского района Иркутской
области (запись 2019 г.).
- ПМА: Инф. 16 — Б. А. Б., 1951 г. р.,
с. Аларь Аларского района Иркутской
области (запись 2017 г.).
- ПМА: Инф. 17 — Д. Н. Б., 1936 г. р., с. Ку-
кунур Аларского района Иркутской
области (запись 2021 г.).
- ПМА: Инф. 18 — Т. С-Д. Д., 1925 г. р.,
с. Жемчуг Тункинского района Респуб-
блики Бурятия (запись 2012 г.).
- Informant 3: U. M. M., born in 1958,
Kukunur village of the Alarsky district,
Irkutsk Oblast, Russia (recorded in
2016).
- Informant 4: H. E. O., born in 1935, Kutulik
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2015).
- Informant 5: N. E. D., born in 1957, Tagarkhaj
village of the Tunkinsky district, Repub-
lic of Buryatia (recorded in 2015, 2017).
- Informant 6: B. I. S., born in 1936, Ulan-Ude,
Republic of Buryatia (2020).
- Informant 7: U. N. KH., born in 1956, Gotol
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2018).
- Informant 8: G. N. B., born in 1954, Dalakhaj
village of the Zakamensky district, Re-
public of Buryatia (recorded in 2019).
- Informant 9: T. R. V., born in 1966, Alzobey
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2016).
- Informant 10: D. R. D., born in 1935, Alar
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2016).
- Informant 11: S. V. N., born in 1942, Kukunur
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast, Russia (recorded in 2018).
- Informant 12: N. N. N., born in 1935, Alar’
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2024).
- Informant 13: D. E. M., born in 1957, Alar’
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2019).
- Informant 14: B. V. A., born in 1953, Sagan
Zhalgaj village of the Alarsky district,
Irkutsk Oblast (recorded in 2022).
- Informant 15: H. A. M., born in 1958, Kirkej
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2019).
- Informant 16: B. A. B., born in 1951, Alарь
village of the Alarsky district, Irkutsk
Oblast (recorded in 2018).
- Informant 17: D. N. B., born in 1936,
Kukunur village of the Alarsky district,
Irkutsk Oblast (recorded in 2021).
- Informant 18: T. S-D. D., born in 1925,
Zhemchug village of the Tunkinsky
district, Republic of Buryatia (recorded
in 2012).

Литература

- Бадмаева 2016 — Бадмаева Р. Д. Бурятский традиционный костюм. Улан-Удэ: Но-ва-Принт, 2016. 176 с.
- Бакаева 1996 — Бакаева Э. П. Джангарчи и задычи: к проблеме мифологического и религиоведческого исследования эпоса «Джангар» // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н Миклухо-Маклая РАН, 1996. С. 8–29.
- Балдаев 1959 — Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 179 с.
- Басаева 1991 — Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Баторов 1923 — Баторов П. П. Народный календарь аларских бурят // Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отдела русского географического общества. Иркутск, 1923. № 3. С. 9–10.
- Баторов 1925 — Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятиеведение. Бюллетени Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова. Верхнеудинск: тип. ЦСНХБМР, 1925. № 1. С. 9–12.
- Бутанаев 2016 — Бутанаев В. Я. Национальные игры хакасов. Астана: Гылым, 2016. 192 с.
- Вампилов 1980 — Вампилов Б. Н. От Аларии до Вьетнама. М.: Наука, 1980. 245 с.
- Гергесова 2002 — Гергесова Т. Е. Бурятские народные танцы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2002. 202 с.
- Дашиева 2001 — Дашиева Н. Б. Бурятские тайлганы (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 105 с.
- Дашиева 2012 — Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят: история и типология. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2012. 211 с.
- Дашиева 2015 — Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 239 с.
- Бадмаева R. D. Buryat Traditional Costume. Ulan-Ude: Nova-Print, 2016. 176 p. (In Russ.).
- Bakaeva E. P. Jangarchi and Zadychi: on the Problem of Mythological and Religious Studies of the Epic “Jangar”. In: Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolic Peoples of Southern Siberia and Adjacent Territories. M.: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 1996. Pp. 8–29. (In Russ.)
- Baldaev S. P. The Buryat Wedding Rituals. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 180 p. (In Russ.)
- Basaeva K. D. Family and Marriage among the Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
- Batorov P. P. The Folk Calendar of the Alar Buryats. In: Ehtnografical Bulletin of the East-Siberian Society of the Russian Geographic Society. Irkutsk: 1923. No. 3. Pp. 9–10. (In Russ.)
- Batorov P. P. Squirrel Hunting among the Alar Buryats and Folk Beliefs. In: Buryatiyevdenie. Bulletins of the Buryat-Mongol Scientific Society named after D. Banzarov. Verkhneudinsk: tip. TsSNKhBMR, 1925. No. 1. Pp. 9–12. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. National Games of the Khakas People. Astana: Gylym, 2016. 192 p. (In Russ.)
- Vampilov B. N. From Alar to Vietnam. Moscow: Nauka, 1980. 245 p. (In Russ.).
- Gergesova T. E. Buryat Folk Dances. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 2002. 202 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. Buryat Tailgans (An Experience in Historical and Ethnographic Research). Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Arts, 2001. 105 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. Traditional Public Holidays of the Buryats: History and Typologies. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS); Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Arts, 2012, 211 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. The Calendar in Traditional Buryat Culture: An Experience in Historical-Ethnographic and Cultural-Genetic Research. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2015. 239 p. (In Russ.)

References

- 270

- Дугаров 1991 — Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Жамцарано 2001 — Жамцарано Ц. Путевые дневники (1903–1907 гг.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Жорницкая 1999 — Жорницкая М. Я. Традиционные танцы западных бурят (по материалам Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области) // Традиции и инновации в этнической культуре бурят. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1999. С. 121–143.
- Зимин 2004 — Зимин Ж. А. Аларь: история и современность. Кн. I. Аларь — родная колыбель. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. 203 с.
- Зомонов 2014 — Зомонов М. Д., Зомонов Ж. М. Тезаурус бурятского шаманизма: учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2014. 173 с.
- Колесников 2018 — Колесников А. А. К вопросу о гидронимах коттского происхождения юго-восточной части Енисейского кряжа // Инновации в науке. № 12(88). 2018. С. 42–44.
- Кызласов 1993 — Кызласов Л. Р. Первобытнообщинный строй и его разложение // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. С. 8–35.
- Малакшинов 1975 — Малакшиинов П. И. Школа в Таряте / пер. с бурят. И. Асана. М.: Сов. Россия, 1975. 320 с.
- Малакшинов 1979 — Малакшиинов П. И. Аларь-гол. М.: Современник, 1979. 269 с.
- Манжигеев 1960 — Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 232 с.
- Махачкеева 2017 — Махачкеева Г. В. «Духарян» — ритуал обмена чашей с вином у бурят Предбайкалья // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5(97). С. 147–151.
- Махачкеева 2022 — Махачкеева Г. В. Некоторые традиции скотоводческой культуры аларских бурят // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3(61). С. 53–63.
- Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism (on the material of ritual folklore of the Buryats). M.: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries 1903–1907. Ulan-Ude: Resp. Tipographiya, 2011. 262 p. (In Russ.)
- Zhurnickaya M. Ya. Traditional Dances of the Western Buryats (based on materials from the Ust-Orda Buryat Autonomous District of the Irkutsk Region). In: Traditions and Innovations in the Ethnic Culture of the Buryats. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Arts, 1999. Pp. 121–143. (In Russ.)
- Zimin Zh. A. Alar: History and the Present. Book I. Alar — the Native Cradle. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Culture and Arts, 2004. 203 p. (In Russ.).
- Zomonov M. D., Zomonov Zh. M. Thesaurus of Buryat Shamanism: a Teaching Guide. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of the Culture and Arts, 2014. 173 p. (In Russ.)
- Kolesnikov A. A. On the Issue of Hydronyms of Kott Origin in the Southeastern Part of the Yenisei Ridge. *Innovations in Science*. No. 12 (88). 2018. Pp. 42–44. (In Russ.).
- Kyzlasov L. R. The Primitive Communal System and its Disintegration. In: History of Khakassia from Ancient Times to 1917. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 8–35. (In Russ.)
- Malakshinov P. I. The School in Taryat. I. Asan (transl. from Buryat). Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975. 320 p. (In Russ.)
- Malakshinov P. I. Alar-Gol. Moscow: Sovremennik, 1979. 269 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. M. The Yangut Buryat family (Experience of the Historical and Ethnographic Research). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 232 p. (In Russ.)
- Mahachkeeva G. V. “Dukharyan” — the Ritual of a Wine Cup Exchange of the Buryats of the Baikal Region. *Izvestiya Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2017. No. 5 (97). Pp. 147–151. (In Russ.)
- Mahachkeeva G. V. Cattle Breeding Traditions of the Alar Buryats. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2022. No. 3 (61). Pp. 53–63. (In Russ.)

- Махачкеева 2024 — Махачкеева Г. В. Об этническом облике бурят Предбайкалья на примере аларских бурят (по материалам исследователей XVIII – начала XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2024. № 2 (30). С. 10–22.
- Махачкеева G. V. About the Ethnic Appearance of the Buryats of the Baikal Region Using the Example of the Alar Buryats (based on materials of researchers from the 18th to the early 20th centuries). *Bulletin of the East-Siberian State Institute of the Culture*. 2024. No. 2 (30). Pp. 10–22. (In Russ.)
- Михайлов 1980 — Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 290 с.
- Mihajlov T. M. Buryat Shamanism: History, Structure, and Social Functions. Novosibirsk: Nauka, 1987. 290 p. (In Russ.)
- Миягашева 2024 — Миягашева С. Б. Обряд сээтэр татаха и кульп почитания духов воды у монгольских народов // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1066–1075. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075
- Miyagasheva S. B. The Rite of Seter Tatakh and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1066–1075. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075
- Молодин 2003 — Молодин В. И. Население Горного Алтая раннего железного века как этнокультурный феномен. Происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003. 285 с.
- Molodin V. I. The Population of Mountainous Altai in the Early Iron Age as an Ethnocultural Phenomenon: Origin, Genesis, and Historical Fate (based on Archaeological, Anthropological, and Genetic Data). Novosibirsk: Institute of the Archeology and Ethnology (SB RAS), 2003. 285 p. (In Russ.)
- Николаева 2008 — Николаева Д. А. Обрядовые функции молодежных игрищ в традиционной культуре бурят // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. С. 45–48.
- Nikolaeva D. A. Ritual Functions of Youth Games in Traditional Buryat Culture. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2008. No. 5. Pp. 45–48. (In Russ.)
- Николаева 2009 — Николаева Д. А. Архетипы женского культа в традиционной культуре бурят Предбайкалья // Мироизрзение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 3. Барнаул: Азбука, 2009. С. 220–225.
- Nikolaeva D. A. Archetypes of the Female Cult in the Traditional Culture of the Baikal Buryats. In: The Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Perspective. No. 3. Barnaul: Azbuka, 2009. Pp. 220–225. (In Russ.)
- Николаева 2010 — Николаева Д. А. Реконструкция обрядов перехода архаической культуры бурят Предбайкалья // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1(68). С. 183–190.
- Nikolaeva D. A. Reconstruction of Rites of Passage in the Archaic Culture of the Baikal Buryats. *Izvestiya of Altai State University*. 2010. No. 4-1 (68). Pp. 183–190. (In Russ.)
- Оглезнева 2024 — Оглезнева Г. В. Деятели просвещения, науки и культуры. Публицистика. Развитие местной литературы // История Усть-Ордынского Бурятского округа. Западные буряты в эпоху древности и Средневековья, в составе России, СССР, Российской Федерации. Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2024. С. 340–356.
- Oglezneva G. V. Enlightenment, Science, and Culture Figures. Journalism. Development of Local Literature. In: History of the Ust-Orda Buryat District: Western Buryats in Antiquity, the Middle Ages, and Within Russia, the USSR, and the Russian Federation. Irkutsk: Bajkal State University, 2024. Pp. 340–356. (In Russ.).

- Окладников 1976 — *Окладников А. П.* История и культура Бурятии: сб. ст. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 458 с.
- Саганова 2018 — *Саганова Е.* Наследники Аларской долины: сб. научно-исследовательских работ обучающихся в образовательных учреждениях Аларского района Иркутской области (2010–2017 гг.). Кутулик: Межпоселенческая центральная библиотека им. А. В. Вампилова, 2018. 252 с.
- Смойлов 2008 — *Смойлов А. А.* Об игровой культуре народов России // Вестник Чувашского университета. Гуманистические науки. 2008. № 3. С. 100–104.
- Тугутов 1961а — *Тугутов И. Е.* Общественные игры бурят // Этнографический сборник. № 2. Улан-Удэ: Бурят. комплекс. НИИ СО АН СССР, 1961. С. 43–65.
- Тугутов 1961б — *Тугутов И. Е.* Этнограф, фольклорист и поэт // Этнографический сборник. № 2. Улан-Удэ: Бурят. комплекс. НИИ СО АН СССР, 1961. С. 159–162.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 551 с.
- Хангалов 1959 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 444 с.
- Хангалов 1960 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 3. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 421 с.
- Хангалов 2021 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. 1. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 568 с.
- Шагдаров, Черемисов 2010а — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 636 с.
- Шагдаров, Черемисов 2010б — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 708 с.
- Шерхунаев 1970 — *Шерхунаев Р. А.* Улигершин Паромон Дмитриев: К вопросу об эстетических воззрениях бурятских сказителей. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 155 с.
- Okladnikov A.P. History and Culture of Buryatia: Collected Articles. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1976. 458 p. (In Russ.)
- Saganova E. Inheriting the Alar Valley. Collection of Research Papers of the Students of the Alar District of the Irkutsk Region (2010–2017). Kutulik: A. V. Vampilov Inter-Settlement Central Library, 2018. 252 p. (In Russ.)
- Smojlov A. A. On the Play Culture of the Peoples of Russia. *Bulletin of the Chuvash University. Humanities.* 2008. No. 3. Pp. 100–104. (In Russ.)
- Tugutov I. E. Public Games of the Buryats. In: Ethnographical Bulletin. Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute (SB RAS). 1961. No. 2. Pp. 43–65. (In Russ.).
- Tugutov I. E. Ethnographer, and Poet. In: Ethnographical Bulletin. Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute (SB RAS). 1961. No. 2. Pp. 159–162. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 551 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1959. 444 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 421 p. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Works. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: NovaPrint, 2021. 568 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M., Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. A–H. Ulan-Ude: Resp. tip., 2010. 635 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M., Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. O–Я. Ulan-Ude: Resp. tip., 2010. 708 p. (In Russ.)
- Sherhunaev R. A. Uligerшин Паромон Дмитриев: on the Question of the Aesthetic Views of the Buryat Storytellers. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 155 p. (In Russ.)

- Шерхунаев 1977 — Шерхунаев Р. А. Sherhunaev R. A. The Noble Tribe of Singers. Певцов благородное племя. Иркутск: Irkutsk: East-Siberian Book Publ., 1977. Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1977. 264 p.
- Шерхунаев 1986 — Шерхунаев Р. А. Бурят-ские народные сказители. Ч. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 208 с.
- Юрченко 2016 — Юрченко О. О. Истоки творчества. Предки А. Вампилова по отцовской линии [электронный ресурс] // URL: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-gumanitarnykh-nauk-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh-sektsiya-10-russkaya-literatura-spetsialnost-10-01-01/istoki-tvorchestva-predki-a-vampilova-po-ottsovskoy-linii> (дата обращения: 01. 02.25).
- Sherhunaev R. A. Buryat Folk Storytellers. Part 1. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1986. 208 p. (In Russ.)
- Yurchenko O. O. The Origins of Creativity: the Ancestry of A. Vampilov on his Paternal Line. Available at: <https://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-gumanitarnykh-nauk-v-rossii-i-za-rubezhom-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezh-sektsiya-10-russkaya-literatura-spetsialnost-10-01-01/istoki-tvorchestva-predki-a-vampilova-po-ottsovskoy-linii>. (accessed: 20 February 2025). (In Russ.).